

21 ФЕВ 1980

«КОМСОМОЛ

Путь к „неслыханной простоте“

90 лет со дня рождения Б. Л. Пастернака

Еще в начале века, на заре своей поэтической деятельности Борис Пастернак напишет: «Не надо обманываться: действительность разлагается. Разлагаясь, она собирается у двух противоположных концов: Лирики и Истории. Оба равно априорны и абсолютны». — Слова эти, принятые декларативно, как творческое кредо, поэт опровергал впоследствии всей своей поэтической деятельностью, в конце концов придя к пониманию ложности противопоставления Лирики и Истории, Лирики и Времени, но далось это ценой сложнейших поисков, глубоких противоречий, родивших тот многогранный и причудливый поэтический мир, который находится и поныне в центре споров критиков, рождающий самые противоположные суждения и оценки, мир, который волнует любого человека сейчас и будет волновать всегда.

Борис Леонидович Пастернак родился в 1890 году в Москве в семье академика живописи Л. О. Пастернака и известной пианистки, ученицы Антона Рубинштейна Р. И. Кауфман. В семье людей интеллигентных, всесторонне образованных, широко известных в столице. В доме Пастернаков частые гости Лев Толстой, Скрябин, Серов, Васнецов, Ге, Коровин, известные музыканты, литераторы — все это среда, позволившая будущему поэту с раннего детства быть в кругу живоотражающих культурных интересов.

Мало кто, даже из наших современников, может похвастаться таким уровнем образования, какое получил Пастернак. Ему прочили большую композиторскую судьбу, первые работы Пастернака положительно оценил Скрябин, но, испытывая неудовлетворение отсутствием абсолютного слуха, начинающий музыкант принимает естественное для себя, но неожиданное для родных решение — оставляет занятия музыкой и поступает на юридический факультет Московского университета, переходит затем на исторический и заканчивает его философское отделение в 1913 году. В то время Пастернак не считает свои занятия поэзией чем-то серьезным («...Начало было так далеко, так робок первый интерес...»), но все же не оставляет их. Продолжая заниматься философией уже в Марбургском университете, получает приглашение профессора Когена, главы марбургской школы философов-

неокантианцев остаться в Марбурге для получения докторской степени, приглашение весьма лестное для молодого философа. Однако другое занимало его ум.

Войдя в группу так называемых умеренных футуристов, Пастернак публикует первые свои литературные упражнения в сборниках одной из многочисленных в то время литературных группировок Москвы, рождающихся, как грибы после дождя и столь же быстро умирающих.

В 1914 году выходит первая книга поэта «Близнец в тучах», довольно подражательная, об издании которой Пастернак впоследствии сожалел.

Изданная в канун революции вторая книга — «Поверх барьеров», в этот же период написанный, но изданный через пять лет сборник «Сестра моя — жизнь» — выдвигают Пастернака в число самых известных стихотворцев тех лет.

1927 год — «...я считаю, что эпос внушен временем и потому в книге «1905 год» я перехожу от лирического мышления к эпике, хотя это очень трудно». — Переход к эпосу ознаменовался написанием еще одной поэмы «Лейтенант Шмидт», этим двум поэмам предшествовала «Высокая болезнь», часть которой, посвящена выступлению Лени-

на на IX съезде Советов. С восхищением перед могучей мыслью, с предельной динамичностью рисует поэт портрет вождя, который «вырос на трибуне и вырос раньше, чем вошел».

В следующей поэме «Девятьсот пятый год» читаем:

Это было при нас,
Это с нами вошло в
поговорку.

Поэт с гордостью говорит о своей причастности к великим событиям. «В «1905 г.» — писал Пастернаку Горький, — вы скупер и проще, вы классичнее в этой книге, насыщенной пафосом, который меня, читателя, быстро, легко и мощно заражает. Нет, это, разумеется, отличная книга, это — голос настоящего поэта, и — социального поэта, социального в лучшем и глубочайшем смысле понятия». Созданные позже стихи исполнены любви к жизни, ко всему тому, что окружает человека в этом мире, они предельно выразительны, выпуклы, даже стереоскопичны, скажем так, в них ясна позиция автора выразить не только или не столько себя, сколько события полувекового отрезка времени, сквозь которое прошел поэт, зачерпнув наконец из «кастальского ключа» емкости, глубины, ясности. Придя к «неслыханной простоте» ценой долгих и мучительных поисков.

А. БУШЕВ.